

Book Reviews

БОЛЬШОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. Значение. Употребление. Культурологический комментарий, ред. В.Н. ТЕЛИЯ, Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006, 784 с.

В мире существует много фразеологических словарей. Но новое время, современные научные парадигмы, построенные на уточненных знаниях о языке, изменившиеся условия и разнообразные виды коммуникации выдвигают перед лексикографами задачу построения словаря нового типа.

Профессор В.Д. Девкин в своей книге «Немецкая лексикография» (Девкин 2005) совершенно неожиданно для лингвистической и лексикографической общественности предложил огромный список языковых словарей, которых еще нет, но которые могли бы появиться как обобщение разнообразных аспектов речевой практики современного человека. Упомянул он и задачу разработки лингвокультурологических словарей.

Впервые в мировой практике словарь, в котором лексические единицы сопровождались культурными коннотациями и культурологическими комментариями был издан в Великобритании (*Longman Dictionary of Language and Culture* 1998) и произвел настоящий фурор как среди лексикографов, так и начинающих лингвокультурологов. В зарубежной и отечественной лингвистике в рамках объединения языка и культуры были написаны тысячи статей, диссертаций и монографий, которые на обширном фактическом материале разносистемных языков полностью подтвердили гипотезу В. Гумбольдта, У. Вайнриха, И. Вайсгербера о взаимодействии языка и культуры как двух семиотических кодов человеческого общения: культура инкорпорирована во все воспроизводимые единицы языка в форме национально-специфического родного духа.

Недавно зародившаяся и плодотворно развивающаяся лингвокультурология как раздел теоретического языкознания доказала факт наличия культурного компонента в коммуникативной компетенции *Homo loquens* (Телия 1996) и вывела тезис о сложности перевода различных видов культурных лакун при кросскультурной коммуникации, в том числе и письменной (научающей, художественной, естественной) (Шаховский 1997).

Уже более никем не оспаривается положение о том, что язык отражает культуру и транслирует ее из одной языковой среды в другую, о том, что язык осуществляет межпоколенную лингвокультурологическую связь и что сам язык является таксоном культуры. Поскольку язык и культура, как отмечалось выше, являются двумя семиотическими кодами. Обучение одному коду без обучения другому не позволяет сформировать полноценной коммуникативной личности ни во внутриязыковом, ни в межязыковом общении: наличие только одной языковой компетенции для последнего явно недостаточно. Именно это новое знание ориентирует лингводидактов на написание современных учебников по иностранному языку, а лексикографов на создание словарей нового, предписывающего лингвокультурологического типа.

Так, например, на материале русского языка в учебнике для иностранцев культурологические комментарии были введены Е.М. Верещагиным, В.Г. Костомаровым (Верещагин, Костомаров 1990).

Среди уже существующих зарубежных и отечественных словарей отсутствуют собственно лингвокультурологические.

Рецензируемый словарь не имеет аналогов в мировой лексикографической практике, так как в толковании 1500 фразеологизмов впервые описывается ситуация, в которой употребляется фразеологизм, стилистические пометы и цитаты из текстов всех жанров письменной речи, в том числе – из Интернета, указывают на функциональные особенности фразеологизмов. В нем впервые показаны образно-смысловые «гнезда» фразеологизмов в одной, общей для них словарной статье. Фразеологизмы описываются как знаки «языка» культуры, которая связана с языком и взаимодействует с ним, отражая особенности русского менталитета.

Словарь выполнен большим авторским коллективом по проекту, изобретенным и разработанным человеком, который со своих юных лет глубоко интересуется фразеологией. Интерес В.Н. Телия к данной области науки был рожден и развивался под влиянием идей ее первого учителя В.Л. Архангельского. Замысел рецензируемого словаря вызревал у В.Н. Телия в течение

15 лет, обсуждался многократно на ее фразеологических семинарах, на двух международных симпозиумах, конференции «Фразеология в контексте культуры», в ряде словарей и в машинном фонде русского языка. Как отмечается в Предисловии к «Большому фразеологическому словарю русского языка...», данный словарь возник не как Афродита из морской пены, он является результатом и продолжением многолетней кропотливой работы В.Н. Телия, сплотившей вокруг себя разные творческие коллективы для разработки серии подготовительных фразеологических и образных словарей (*Словарь образных выражений* 1995; *Русское культурное пространство* 2004).

Рецензируемый словарь начинается с Предисловия и завершается Послесловием, написанными автором данного оригинального и интереснейшего проекта. В Предисловии рассматриваются основные теоретические проблемы фразеологии: принципы ее классификации и категоризации, различие между идиомами и фразеологизмами, облигаторные характеристики и параметры фразеологизмов (образность, воспроизводимость, культурная мотивированность), этапы развития фразеологии как науки (долингвокультурологический этап, врата за которым закрылись в 80-х гг. XX века, и современный этап лингвокультурологической фразеологии и фразеографии). Здесь же автор рассказывает о формате словаря, о его структуре, о его предписывающем назначении, объясняются принципы отбора фразеологизмов. Главным из этих принципов является отраженность во фразеологических единицах вещных или исторических реалий, всегда наличие образности, отображающей мировидение народа – носителя языка, запечатленной во внутренней форме или в форме содержания.

Как убедительно показано и в Предисловии, и в словарных статьях отобранных для данного словаря фразеологизмов, все они обладают культурной памятью, транслируемой от поколения к поколению и таким образом сохраняющей корни родства русскоязычного общества.

В Послесловии «Большому словарю...» В.Н. Телия подробно останавливается на методологическом положении, согласно которому язык и культурообразная кодовая система – два кода между предметными областями, между которыми нет прямой корреляции. Здесь же акцентируется внимание на общеизвестном факте, касающемся отсутствия универсального определения понятия культура, и предлагается собственное, выработанное авторским коллективом определение: «Культура – это результат восприятия мироздания как лона собственного человеческого бытия, творимого

человеком в процессе его жизнедеятельностного опыта – трудовых практик, знаний, социальных отношений, религий и фантазий» (с. 776).

Новым и необычным является предложенное в «Большом словаре» измерение культурной ценности, отраженной в русском фразеологизме: насколько «достойно / недостойно отношение человека к природе, к себе самому как личности, к социальному окружению, а также к мистически-духовно воспринимаемым первоначалам бытия всего сущего» (с. 776). В «Послесловии» объясняются авторские предпочтения в зависимости от идентификации личности с тем или иным социумом.

По замыслу авторов словаря (и этот замысел успешно осуществлен) каждый фразеологизм, включенный в него, не только сам культурно ориентирован, но и культурно ориентирует пользователей этого словаря, что достигается с помощью объяснительного культурологического комментария, который и составляет абсолютную новизну, уникальность рецензируемого «Большого словаря русского языка...».

Например, в словарной статье фразеологизм «Божий дар с яичницей» (с. 40-41) сопровождается указанием на архетипическую оппозицию «высокое – низкое», имеющую помету «сакральное – профанное». В комментарии указывается также, что в образе фразеологический компонент **божий дар** соотносится с религиозным кодом русской культуры и символизирует все исходящее от Бога. На этом основании авторы словаря устанавливают в культурном коде наличие компонента **яичница** как оппозиит высокому, духовному, ценному, соотносимому с Богом.

Далее авторы в культурном комментарии сравнивают фразеологизм «Божий дар с яичницей» (указание на нечто несовместимое друг с другом сакрально и семантически, выступающее в форме оксюморона) со сходными по выявляемому образу фольклорными выражениями: *Смешал богородицу с бубликами; Начал духом, а кончил брюхом; По церковному запел, да на плясовую свел*. Комментарий завершается выводом о том, что фразеологизм «Божий дар с яичницей» является эталоном, то есть мерой несопоставимости разных по своей сути вещей.

На мой взгляд, в этом культурном комментарии полностью раскодированно все содержание фразеологизма: предметное, образное, оценочное, экспрессивное, стилистическое, эмотивное, символическое (сакральное). Другими словами, раскрыта его семиотика и сфера употребления, вскрыт его архетип. Такая прозрачность содержания культурного кода данного фразеологизма «вытягивается» авторами словаря на поверхность

благодаря проведению глубокого семиотического и лингвокультурологического анализа. Аналогичным методом распремечивается культурный код всех фразеологических единиц, включенных в рецензируемый словарь.

Послесловие представляет собой самостоятельную научную работу, посвященную проблеме соотношения двух кодовых систем – языковой и культурной и обобщенному представлению современных научных знаний об их семиотике.

При всем расхождении определений понятия «культура» современная наука уже не отрицает того, что культура является продуктом многовековой, многослойной деятельности, беспрестанно развивающейся и меняющей свою конфигурацию в зависимости от изменяющихся форм осознания человеком мира, которая облигаторно инкорпорирована во все языковые знаки, в том числе фразеологически.

В Послесловии обозначены виды культуры, параметры культурной языковой личности и способы ее идентификации с конкретным социумом. Выделена основная функция культуры – быть ориентиром человека говорящего в выборе его морально-нравственных установок: хорошо-плохо, достойно-недостойно, одобряю-не одобряю и т.п. Показан процесс и результат формирования концептосферы культуры русскоговорящего социума и отдельного коммуниканта. В Послесловии также отмечается, что человек живет в широком контексте культуры: социальном и своем собственном.

В статье представлено три критерия отбора фразеологизмов для данного словаря: первое – 16 тематических и идеографических полей; второе, – архитипичность культурных слоёв; третье – включённость в ФЕ многообразия кодов культуры. Из такого теоретического экскурса читателю словаря становится наконец понятно, что такое культурный код языка как объект лингвокультурологии и его вербализация (фразеологизация как её предмет). Можно сказать, что публикация данного словаря успешно приближает к завершению дискуссии об объекте, предмете, методологии и методах лингвокультурологии. И в этом тоже – одна из заслуг его составителей, прежде всего В.Н. Телия как автора этого сложного проекта.

Главное в замысле данного словаря – интерпретация давно уже выделенной библиотеки русских фразеологизмов в межпоколенном контексте русскоязычной культуры, многопараметричность ФЕ как микротекстов,

разворачивающихся в культурогенные тексты с помощью информации, приведённой в статьях к каждому фразеологизму.

Среди этой информации самой существенной является информация о культурных смыслах и культурной функции ФЕ. Вызывает некоторый дискомфорт на фоне всего вышеотмеченного самими составителями словаря, с которым мы полностью согласны, утверждение В.Н. Телия о «двуликости» лексикографического портрета ФЕ (с. 779). В.Н. Телия в Предисловии, Послесловии и в своей статье «О феномене воспроизводимости языковых выражений» (Телия 2005) отмечает многомерность и многоаспектность фразеологизмов, что явно не согласуется с фразой о их двуликости: явно надо говорить об их многоликости фразеологизмов, которая является их онтологическим свойством.

Вызывает уважительное отношение В.Н. Телия ко всем ее коллегам, разрабатывавшим ранее другие лексикографические форматы ФЕ, послужившие прообразами (прототипами) рецензируемого словаря: В.Н. Телия включает их в соавторы данного издания.

Особо отметим следующие нововведения, характерные для данного словаря: указана уместность и неуместность ФЕ в различных социальных контекстах посредством системы новых помет: *реч. стандарт, неформ., фам., грубо-фам., книжн., прост.*; указан принцип деления на высказывания о третьем лице, о собеседнике и о самом себе, что изменяет (варьирует) эмоционально-оценочные смыслы ФЕ; введены показатели грамматической валентности ФЕ; культурологический комментарий, реконструирующий культурные образы ФЕ; вскрыта взаимосвязь между образным основанием и значением фразеологизма.

В словаре определена та роль, которую ФЕ выполняют в концептосфере культуры как ее знаки-символы, как эталон или стереотип. Словарь утверждает воспроизводимость ФЕ и его культурологическую родословную. ФЕ здесь выступает как носитель культурной памяти русского народа и русского духа его языка.

Послесловие завершается списком наиболее значимых исследований в области фразеологии, культурологии и эпистемологии, которые послужили методологической базой для теоретической концепции словаря.

Структура словаря трехчастна и включает в себя четыре зоны и семь подзон, которые в свою очередь членятся на другие подразделы, но в целом покрывают толкование ФЕ, иллюстративный материал и его культурологи-

ческий комментарий. В качестве примера рассмотрим статью фразеологизма «Мышиный жеребчик».

МЫШИНЫЙ ЖЕРЕБЧИК (с. 391) кто (тем самым указывается на субъект ФЕ – В.Ш.). Молодящийся пожилой мужчина, старик, увлекающийся ухаживанием за женщинами (особенно молодыми) (значение ФЕ – В.Ш.). *Имеется в виду*, что лицо мужского пола (X) активно интересуется женщинами, проявляет много внимания по отношению к ним, несмотря на уже далеко не молодой возраст и физическое бессилие (толкование, авторская расшифровка значения ФЕ – В.Ш.). *Говорится* с неодобрением, с иронией или с презрением. Грубо-фам. (функционально-стилистическая маркировка – В.Ш.).

Не употреб. по отношению к 1-му лицу [рестрикция сферы употребления – В.Ш.]

В роли именной части сказ., подлежа., доп. или обособл., члена предлож.

Порядок слов-компонентов фиксиров. [грамматическая функция – В.Ш.].

Далее в статье приводятся семь иллюстраций, авторами которых являются Ю. Герман, В. Платов, В. Вересаев, а также авторы статей из современной периодики.

Он давно не юноша. Но он не из тех **мышинных жеребчиков**, которые молодятся, зачесывают волосы сбоку или сзади на лысину, гонятся в моде за молодежью, нет. Он выдерживает удары судьбы и возраста с достоинством (Парламентская газета, 2001).

Из этого примера трудно не понять смысла использованного фразеологизма, чего, к сожалению, нельзя сказать из других примеров, приведенных в иллюстративной зоне. Например, – *А ты его видела? – Нет, но хотела бы познакомиться. – Не советую. Будешь разочарована. Он – мышинный жеребчик, и этим все сказано (Реч.).*

Несколько удивительно, что среди источников иллюстративной зоны нет примера из «Мертвых душ» Гоголя, который, по замечанию составителей словаря, ввел это выражение в обиход русской речевой культуры. Продуцентом этого фразеологизма, по мнению автора словаря, является народная речь. В следующей зоне словарной статьи приводится подробная культурологическая информация об истории формирования данного образа и закрепления за данной ФЕ описания социальных, физиологических, экономических и нравственных факторов, вызывающих осуждение

общества; приведены языковые параллели из английского языка как указание на смысловую универсальность ФЕ.

Такова схема (структура) зон словарных статей «Большого фразеологического словаря». В заключении еще раз подчеркнем уникальность и замысла, и реализации рецензируемого лексикографического формата:

- разработана четкая структуры словарной статьи и ее помет, которые выдерживается на протяжении всего словаря;
- выделены зоны вокабул, в которых учтены аспектуальные, семантические и валентностные различия выделяемых единиц; в грамматической зоне указывается на изменяемость / неизменяемость морфологической формы, на синтаксическую роль ФЕ, порядок слов (фиксированный / нефиксированный);
- некоторые ФЕ сопровождаются указаниями на пресуппозиции, если без этого семантизировать фразеологизм невозможно, а также на пропозиции и типовые реалии и их актанты, объясняющие семантику ФЕ;
- зона вокабулы завершается свернутой пропозицией, указующей на частеречную отнесенность ФЕ и ее вариативность;
- в словаре впервые приводятся иллюкутивные (одобр. / неодобр.) пометы;
- помечены речевой стандарт и условия использования ФЕ.
- зона иллюстрации включает издания 50-х гг XX в., в том числе «речения»;
- композиционная структура культурологического комментария строго продуманна, унифицирован синтаксис подачи толкования стилистических тропов;
- в сложных случаях этимология и прототипических образов используется перекрестный комментарий для максимальной экспликации образно-смыслового содержания ФЕ;
- впервые предложен и внесен в словарную статью вершинный модус культурной коннотации (достойно / недостойно личности, моральное, нравственное мироосознание), семантизация образа, характерная для представителей данного языкового коллектива.

ФЕ восполняют номинативно-функциональный запас языка, и тем самым единицы лексикона образно обогащают тезаурус языковой личности.

Информации в словаре так много, она такая всеобъемлющая, что поражает любое воображение трудоемкостью проделанной работы. В связи с этим представляется исчерпывающим высказывание известного лексикографа В.В. Морковкина, который мечтал о таком издании: это новый в жанровом и

типологическом отношении словарь с претензией на достойный научный уровень, который потребовал от его авторов чрезвычайных затрат умственной энергии, душевных и физических сил. В полной мере эти слова применимы к рецензируемому фразеологическому словарю.

Потребность в таком словаре давно назрела и очевидна. Все филологи (и учителя, и ученики, и вся научная общественность), несомненно, благодарны авторам и создателям этого словаря за уникальную возможность пройти в открытую ими дверь таинственной комнаты культурного кода русского языка, проникнуть в его кладовые и в авторском освещении рассмотреть бриллиантовые россыпи красот русской фразеологии.

Прихожу к удивительному выводу о том, что словарь вовсе не фразеологический. Фразеология для В.Н. Телия и ее соратников (учеников) выступает в данном словаре как полигон для вытягивания на поверхность содержимого культурного кода русского языка и для лучшего осмысления его любого длинного воспроизводимого знака (не только ФЕ, но и крылатые фразы, паремия и т.п.).

Фактически рецензируемый словарь предлагает оригинальную методологию в лингвокультурологической парадигме, так как он открывает новый путь в теоретических исследованиях, декодирующих архетипическую семантику всех культуруносных единиц русского языка, в том числе и слова.

Литература

- Longman Dictionary of English and Culture. Addison Wesley Longman Limited Edinburgh Gate*, 1998, Harlow, 1568 pp.
- Вайсгербер Й.Л., 1993, *Родной язык и формирование духа*, Москва: Издательство МГУ, 224 с.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., 1990, *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*, Москва: Русский язык, 246 с.
- Девкин В.Д., 2005, *Немецкая лексикография: Учебное пособие для вузов*, "Высшая школа", 670 с.
- Культурные слои во фразеологизмах и их дискурсивных практиках*, 2003, под ред. В.Н. Телия, Москва.
- Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь*, 2004, под ред. И.С. Брилевой, Н.П. Вольской, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных. Вып. 1, Москва: ГНОЗИС.
- Телия В.Н., 1996, *Русская фразеология (в аспекте лингвокультурологии)*, Москва.

- Словарь образных выражений русского языка*, 1995, под ред. В.Н. Телия, Москва: «Отечество», 368 с.
- Степанов Ю.С. Константы, 1997, *Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва: Школа «Языки русской культуры», 824 с.
- Телия В.Н., 2005, *О феномене воспроизводимости языковых выражений. – Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей*, отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов., Москва: МАКС Пресс, с. 4-43.
- Фразеология в контексте культуры*, 1999, под ред В.Н. Телия, Москва.
- Шаховский В.И., 1997, *О переводимости эмотивных смыслов художественного текста. – Перевод и коммуникация*, Москва: ИЯ РАН.
- Шаховский В.И., 2002, *Словная идиоматика как межкультурный феномен*, “Известия Волг. гос. пед. Ун-та”, №1., с. 41-45.
- Шаховский В.И., 1986, *Эмотивность и лексикография*, “Филологические науки”, №6, с. 42-47.

В.И. ШАХОВСКИЙ

EWA BIŁAS-PLESZAK, JEZYK A MUZYKA. LINGWISTYCZNE ASPEKTY ZWIĄZKÓW INTERSEMIOTYCZNYCH,
Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2005, 175.ss.

Można z całym przekonaniem powiedzieć, że polskiemu językoznawstwu nieobce jest zainteresowanie problematyką skomplikowanych relacji, jakie łączą język z muzyką, i że poszukiwania w tej dziedzinie mają już pewną tradycję badawczą. Nigdy jednak różnorodne kwestie związane z **muzycznym** wymiarem **języka** – inaczej niż w muzykologii, w której pod przemożnym wpływem strukturalnego paradygmatu w lingwistyce rozważano o „językową” **strukturę muzyki** (Bristiger 1986) – nie pojawiły się w rzędzie podstawowych zagadnień wyznaczających swój własny obszar badań. Są to indywidualne poczynania badawcze dotyczące terminologii muzycznej, muzykologicznej, także w wymiarze europejskim (Dąbkowski 1991, 1994, 1997), nazw utworów muzycznych i ich etnicznego nacechowania (Sobczykowa 1992), wreszcie słownictwa muzycznego w poezji (Wiśniewska 1995).